

Образы крестьянина в польских диалогах эпохи Барской конфедерации и Великого Сейма

Фадеев Иван Валентинович

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: ifadeyev@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-5611-1006

Цитирование

Фадеев И. В. Образы крестьянина в польских диалогах эпохи Барской конфедерации и Великого Сейма // *Славянский альманах*. 2024. № 3–4. С. 334–351. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.18

Статья поступила в редакцию 06.04.2024.

Рецензирование завершено 11.09.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

Статья посвящена анализу жанра диалога в польской литературе последней трети XVIII в. Автор сравнивает произведения, созданные в эпоху Барской конфедерации (1768–1772) и Великого Сейма (1788–1792), особое внимание уделяя анализу роли и значения персонажей-крестьян. Диалоги эпохи Барской конфедерации более соответствуют устоявшимся в XVI–XVII вв. традициям этого жанра. На их страницах крестьяне закономерно встречаются редко и значительно уступают по популярности другим персонажам: шляхтичам, священникам и иностранцам. Их единственная сюжетная функция – сатирическая: приносимые ими серьезные реплики обладают априорным комическим подтекстом и обесценивают изначальный посыл. В диалогах эпохи Великого Сейма крестьяне, наоборот, становятся главными по популярности персонажами, прямым текстом озвучивающими актуальные политические и социальные проблемы польского общества. Если ранее собеседниками крестьян могли быть лишь близкие по социальному статусу герои, то в произведениях 1788–1792 гг. они на равных вели разговоры со своими помещиками. В статье фиксируется изменение ранее

существовавших традиций жанра диалога, он рассматривается в контексте проблематики Великого Сейма. Автор формулирует гипотезу о соответствии этого процесса зарождению польского национального самосознания.

Ключевые слова

Диалог, пропаганда, сатира, крестьянство, шляхта, национализм, Барская конфедерация, Великий Сейм, Речь Посполитая.

Предметом исследования статьи являются сюжетные метаморфозы жанра диалога в польской культуре последней трети XVIII в., а точнее – изменение роли и образа персонажа крестьянина, прослеживаемое на примере диалогов эпох Барской конфедерации (1768–1772) и Великого Сейма (1788–1792). Диалоги конфедератов, по своей проблематике и стилю продолжающие длительную традицию этого жанра в Польше, рассматриваются в качестве исходной точки – в схожем виде диалог существовал еще в начале XVIII в. и даже в XVII в. И напротив, диалоги Великого Сейма по многим критериям серьезно отличаются от предшествующих образцов этого жанра, отражая перемены в польском обществе в области ценностей и сознания образованных кругов.

Согласно классификации М. М. Бахтина, диалог принадлежит к первичным речевым жанрам и является основной мерой речевой коммуникации¹. В рамках вторичного (сложного) жанра он существует уже как элемент создаваемой автором действительности и выполняет назначенную им функцию. Как самостоятельный сложный жанр, состоящий из попеременного обмена высказываниями со стороны двух и более лиц, диалог пережил свой наибольший расцвет в эпоху греко-римской древности: признанными идеалами являлись сократические диалоги Платона и сатирические диалоги Лукиана.

В Европе эпохи Средневековья и раннего Нового времени этот жанр мог как использоваться в форме сатиры, так и быть одним из способов ведения научной или философской дискуссии.

В первом случае (диалог как сатира) этот жанр опирался на вышеупомянутые диалоги Лукиана. Как правило, такие диалоги высмеивали представителей различных конфессий и социальных слоев

¹ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 263–265.

европейского общества, поднимали ряд нравственных проблем и зачастую несли четкий дидактический посыл читателям. Многие из них адресовались детям и юношеству, как, например, «Домашние беседы» Эразма Роттердамского.

Описанная традиция оставалась относительно неизменной вплоть до эпохи Просвещения. Вторая половина XVIII в. дала мировой культуре большое количество значимых произведений этого жанра: «Диалоги Эвгемера» Вольтера, «Племянник Рамо» и «Сон д'Аламбера» Дени Дидро, «Боги, герои и Виланд» Иоганна Вольфганга фон Гёте и др. Для диалогов европейского Просвещения характерно изменение соотношения юмора и назидательности: открытая сатира над типажам людей превращалась в завуалированную иронию, прямым текстом постулировался нравственный идеал, со страниц произведений могли высказываться политические требования. Для французских просветителей диалог оказался лаконичным и доступным аналогом формы трактата или памфлета. Тем не менее к началу XIX в. жанр постепенно потерял свою популярность и стал использоваться скорее в исключительных случаях.

Во втором случае (диалог как научная или философская дискуссия) этот жанр использовался как наглядная форма для подробного рассуждения об общих и частных аспектах избранного автором предмета. Как правило, диалог имитировал спор ученого с оппонентом, в репликах которого автор предугадывал возможные претензии к собственным гипотезам. Одним из самых знаменитых научных трудов, написанных в жанре диалога, является «Диалог о двух главнейших системах мира» Галилео Галилея, в котором тот сформулировал свои доказательства концепции гелиоцентризма. В сравнении с другими научно-публицистическими жанрами (сумма, эссе и др.) диалог отличался большим объемом и наличием минимальной художественной обработки. К примеру, структура упомянутого выше труда Галилея делится на четыре дня; все три героя помимо обсуждения заявленного предмета делятся историями из своих жизней; стиль речи каждого обладает своими особенностями².

К рубежу XVII–XVIII вв. диалог постепенно выходит из употребления в научных кругах, за редкими исключениями уступая более кратким жанрам. Интересен пример опыта Иоганна Готлиба Фихте, в 1801 г. прибегнувшего ко введению в свой трактат «Ясное, как солнце,

² Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. М., 2018. С. 165–174.

сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии» воображаемого собеседника-критика в риторических целях. Автор объясняет свое обращение к архаичному литературному жанру необходимостью максимально подробно и доступно пролить свет на свою философскую систему для неподготовленного читателя³.

В польской культуре XVI–XVIII вв. диалог как жанр опирался на иные каноны и был связан с собственной риторической традицией. Форма письменного, не предназначенного к театральной постановке сатирического диалога получила популярность в Речи Посполитой еще в XVI в. в рамках светской и церковной публицистики⁴. Одним из условий, предопределивших особое развитие этого жанра, являлась специфика польской политической культуры. Сама форма диалогового обмена и спора между собеседниками могла считаться отражением типичной для шляхетского сословия политической полемики: на сеймах и сеймиках, в стенах коллегий и во время публичных диспутов, в частных беседах и в быту⁵.

Именно это обуславливает одно из основных стилистических отличий польского диалога от западноевропейского: чрезвычайно назидательный, паренетический характер. Дидактические черты в большей части диалогов западноевропейских авторов заключались в прозрачности провозглашаемой морали⁶; в Речи Посполитой диалог не просто «дублировал» реальную полемику шляхты, но предлагал ей полноценные поведенческие модели в виде речевых клише и образов персонажей.

По указанной причине диалог в польской культуре в значительно большей степени, чем во Франции или в немецких государствах, мог быть связан с образованием. Политический статус шляхетского сословия диктовал необходимость умения участвовать в дискуссиях, диалог мог воспроизводиться устно в рамках школьного театра⁷ и восприни-

3 *Fichte J. G.* Sonnerklare Bericht an das grössere Publikum über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen. Berlin, 1801. S. 16–19.

4 *Tazbir J.* Tradycje tolerancji religijnej w Polsce. Warszawa, 1980. S. 118–125.

5 *Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce: Rozkwit, upadek, relikt. Warszawa, 1986. S. 15–26.

6 В указанном смысле диалоги западноевропейских авторов куда ближе к сатирическим диалогам античных авторов.

7 *Лескинен М. В.* Культура Польши // История культур славянских народов / отв. ред. Г. П. Мельников. М., 2005. Т. 2. С. 76–77.

маться как наглядный пример полемики с различными оппонентами; до современных исследователей дошли примеры диалогов с представителями разных конфессий, сословий и народов Речи Посполитой. Классическими примерами последних можно назвать диалог «Разговору на польском языке, переплетенные с латынью»⁸ Вита Корчевского, пародирующий спор католика и протестанта, а также «Разговор польского шляхтича с чужеземцем»⁹ Петра Збылитовского.

Как литературный жанр диалог мог базироваться на большом количестве уже существовавших в Речи Посполитой форм: пользовавшейся популярностью итальянской *commedia dell'arte* с ее четкими архетипами персонажей¹⁰; народном польском театре¹¹, низовом шляхетском творчестве (т. н. «сарматское барокко»)¹². Это предопределило существование особого языка польских диалогов, наличие в них эксклюзивных для культуры Речи Посполитой героев и ситуаций.

Диалогу были свойственны краткость и выраженный сатирический характер, в большинстве случаев каждый из них был посвящен одному конкретному актуальному событию. Героями диалога могли быть обобщенные представители социальных слоев и типажей («Пан», «Епископ», «Прихожанин»), конкретные личности (короли Речи Посполитой, правители иностранных государств, магнаты и придворные) и одушевленные абстрактные понятия («Польша», «Вера», «Справедливость»).

Наконец, еще одной отличительной особенностью польских диалогов являлся их сниженный характер¹³. Этот жанр представлял собой доступную форму для каждого более или менее грамотного человека. Многие поэтические диалоги выполнялись в простой парной

8 *Korczewski W.* Rozmowy polskie łacińskim językiem przeplatane, rytmy ósmiorzeczniemi słożone: pierwsza o niektórych pospolitych ceremoniach kościelnych [...], wtóra rozmowa o kłatwie i o dziesięćcinie. Kraków, 1553.

9 *Zbylitowski P.* Rozmowa szlacheica polskiego z cudzoziemcem // Niektóre poezye Andrzeja i Piotra Zbylitowskich. Kraków, 1860. S. 121–167.

10 *Hernas C.* Barok. Historia literatury polskiej pod redakcją Kazimierza Wyki. Warszawa, 1980. S. 372–380.

11 *Ibid.* S. 191–195.

12 *Lunamov A. B.* Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье. Возрождение. Барокко. М., 1977. С. 231–234.

13 В этом плане очевидна принадлежность диалога к сарматскому искусству XVII – начала XVIII вв. См.: *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет: из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 176–183.

рифме; чрезвычайно характерно для них использование просторечной и нецензурной лексики, частой была апелляция к народным стереотипам и грубому физиологическому юмору. Целью значительного числа произведений этого жанра являлась политическая агитация. Нередко диалоги создавались в качестве инструмента пропаганды во время работы сеймиков и сеймов¹⁴; вне актуального для современников контекста диалоги не обладали для них самостоятельной литературной ценностью.

Все вышесказанное предопределило малую сохранность столь отчетливо массового и полемического типа источников. Значительная часть дошедших до нас примеров диалогов была обнаружена в единичных рукописях и в фрагментарном виде.

Таким образом, основными чертами диалога в польской культуре XVI–XVIII вв. являются: укорененность в полемической культуре польской шляхты; массовость, доступность для любого грамотного читателя; назидательный характер, постулирование поведенческих и языковых моделей; использование просторечной лексики, сюжетов из польской действительности и актуальной политики; эксплуатация литературной формы ради агитации.

Эпохой расцвета польского диалога является XVII век. Межконфессиональная полемика, разорительные войны и ожесточенная борьба в сословно-представительных органах Речи Посполитой – все это создало соответствующую почву для развития полемических и агитационных жанров¹⁵. Формирование диалога также перекликается с упадком печати на польском языке и началом кризиса культуры барокко. В условиях отсутствия адекватных форм литературного творчества и его массового распространения, диалог стал одним из самых доступных и популярных жанров. Вплоть до середины XVIII в. каждый очередной эпизод политической нестабильности в Речи Посполитой вызывал публицистический отклик в виде большого количества диалоговых произведений, посвященных актуальным событиям и призывающих читателя занять ту или иную сторону.

По этой причине диалоги Барской конфедерации слабо отличаются от диалогов рубежа XVII–XVIII вв. – более того, именно с этой эпохой противостояния повстанцев королевской власти и связан один из последних взлетов столь специфического жанра. Сатирические

14 *Tazbir J.* Szlachta i teologowie: Studia z dziejów polskiej kontrreformacji. Warszawa, 1987. S. 100–107.

15 История польской литературы. М., 1968. Т. 1. С. 93–97.

диалоги, циркулировавшие по охваченным восстанием территориям в многочисленных рукописных копиях, являлись одним из специфических средств пропаганды сторонников конфедерации¹⁶. Благодаря многолетнему труду польских историков, объединивших все имеющиеся в архивах диалоги конфедератов в одну антологию¹⁷, можно достаточно полно их охарактеризовать.

Диалоги Барской конфедерации апеллируют к понятным и осознаваемым категориям, за каждым типом героя уже закреплен набор характеристик: пришелец из России антагонистичен всем полякам; священник является носителем правды; дворянин представляет собой воплощение воинской доблести¹⁸ и т. д. Персонажами подавляющего количества диалогов являются реальные политические фигуры, игравшие ключевую роль в польской политике и показанные под сатирическим углом: Станислав II Август, Екатерина II, посол в Речи Посполитой Николай Репнин, воевода подольский Ян Замойский и др.

Те же герои, что олицетворяют собой социальные группы, как правило, объединены в пары, повторяющиеся от диалога к диалогу. Чаще всего встречаются диалоги священника (также – епископа и странствующего монаха) и «маловерного» (либо сомневающегося прихожанина¹⁹, либо иноверца²⁰); в таких диалогах основным акцентом является разъяснение правильности идей конфедератов, их соответствия христианским доктринам и глубокой греховности сторонников королевской власти. Второй по популярности является пара шляхтича (во всех случаях обладает постоянным набором качеств – сторонник конфедерации, католик, солдат) и его врага (разнится от диалога к диалогу – религиозный диссидент²¹, русский

16 *Konopczynski W.* Konfederacja Barska. Warszawa, 2017. Т. 1. S. 546–553.

17 *Literatura Konfederacji Barskiej.* Warszawa, 2005. Т. 2. Dialogi / pod red. J. Maciejewskiego.

18 Подробнее о сарматском идеале шляхтича-воина см.: *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 106–114.

19 *Rozmowy plebana z parafijaninem // Literatura Konfederacji Barskiej.* Т. 2. S. 242–251.

20 *Dyskurs katolika podróżnego z nieznanym sobie sysydem o konfederacyi na Podolu uczynionej anno 1768 // Ibid.* S. 43–49.

21 *Dysydem, to jest luter, z pewnym katolikiem dyskurs miał o wierze i tarańszych suplikacyach 1769 // Ibid.* S. 64–66.

офицер²², далекий от политики горожанин²³); в диалогах такого типа очевидно прямое противопоставление идей конфедератов и их противников в пользу первых. Третьим по частотности и куда менее популярным является диалог с героем-крестьянином.

Единственными и вполне естественными партнерами этого персонажа в диалогах конфедератов выступают те, с кем реальный крестьянин мог бы завести беседу в своем окружении, – это либо такой же крестьянин (беседа, соответственно, идет на равных, в формате обмена мнениями), либо деревенский войт (в таком случае общение происходит в формате «вопрос-ответ»²⁴).

С точки зрения стилистики речь крестьян никак не отличается от речи, произносимой другими персонажами конфедератских диалогов, вплоть до дворян и королей: количество просторечных выражений, грубость юмора и даже сама по себе тематика поднимаемых в дискуссиях вопросов практически неизменна. За выбором крестьян в качестве персонажей диалогов стоял лишь один-единственный комический эффект, эксклюзивный для героя такого типа: сам по себе факт здравого рассуждения о политике со стороны простолюдина.

В обсуждениях крестьянами ошибок и недостатков действий Станислава II Августа кроется эффектный и сознательный прием – проговаривание сложных тем доходчивым просторечным языком с соответствующей расстановкой акцентов. Весьма любопытны в дошедших до нас произведениях и описания крестьянского быта: к примеру, один из диалогов анонимного автора²⁵ начинается с краткого предисловия о случайной встрече двух селян, «Бартека» и «Мачека»²⁶, – они пьют водку и говорят о делах своих семей и лишь потом постепенно переходят к обсуждению политических новостей. Даже сама дискуссия то и дело прерывается репликами героев с предложениями о поиске выпивки.

22 *Dyskurs Moskala z konfederatem 1772* // *Ibid.* S. 265–267.

23 *Rozmowa konfederata z obywatелем w Dukli dnia 30 maja 1772* // *Ibid.* S. 268–276.

24 *Rozmowa Bartosa z wójtem 1768* // *Ibid.* S. 76–77.

25 *Rozmowa Bartka z Grochowa z Maćkiem Nawrzynieckim i kumem do tego* // *Ibid.* S. 222–234.

26 Как правило, крестьяне в диалогах носили уменьшительно-ласкательные просторечные имена – это отличало их от других типажей, именуемых исключительно по социальному положению («Дворянин», «Священник» и т. д.).

Типаж крестьянина в диалогах эпохи Барской конфедерации более, чем любой другой, привязан к конкретным условиям сельской жизни. Фактически единственным свойством этого персонажа является его принадлежность к простому сословию, переносящая любой диалог с ним в деревню и таким образом создающая антураж любым произносимым им репликам. В представленном случае это совершенно не связывается с простотой, глупостью или неведением крестьянина – для достижения подобного эффекта этот герой должен был быть противопоставлен другому персонажу, чьим свойством как раз таки были бы знание и правдивость. В контексте публицистической направленности всего жанра диалога в польской культуре, образ крестьянина представляется неполным и невыгодным, выбивающимся из ряда запоминающихся типажей, актуальных в нескольких контекстах; в особенности это контрастирует с очевидной пропагандистской интенцией анонимных авторов. Скорее всего, это было причиной относительной непопулярности героя-крестьянина в сравнении с другими персонажами: священником, шляхтичем и т. д.

В совершенно иной парадигме существовал жанр диалога в эпоху Великого Сейма. Во время этого экстраординарного для всей истории Речи Посполитой события публицистика на польском языке переживает подъем: послы Сейма, неравнодушно следящая за политическими событиями в Варшаве шляхта и образованные горожане в массовом порядке излагают свои мысли на бумаге и участвуют в многочисленных дискуссиях о будущем страны²⁷.

В эту эпоху изменился сам формат взаимодействия автора со своим материалом и читателями. За время правления Станислава II Августа в крупных польских городах открылось множество частных типографий, что вместе с ослаблением цензуры²⁸ привело ко внушительному росту книгопечатания и появлению регулярных журналов²⁹. Если ранее почти все литературные произведения попадали к читателям почти исключительно в рукописном виде и в единичном количестве, то уже к 1780-м гг. любой автор за умеренную цену мог напечатать свой текст широким тиражом.

27 Ковалев В. Н. Культура Польши // История культур славянских народов. Т. 2. С. 197–199.

28 Nycz R. Literatura polska w cieniu cenzury // Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja. Warszawa, 1998. № 3 (51). S. 7–8.

29 Лунатов А. В. Возникновение польского просветительского романа. М., 1974. С. 65–73.

Полностью поменялись культурные и общественно-политические тенденции. Вся публицистика рубежа 1780-х – 1790-х гг. является «просвещенческой» по духу, идеям и лексикону. Даже противники реформ Великого Сейма вели переписку со своими оппонентами на одном языке, аргументируя свои взгляды с помощью тезисов популярных французских философов. В условиях устаревшей культуры ведения письменной полемики поляки прибегают к разнообразным жанрам, от трактатов до брошюр и политических глоссариев³⁰. Диалог вновь оказывается актуальным – однако под воздействием политического контекста сильно меняется относительно той формы, в которой он существовал на протяжении большей части XVIII в.

Польский диалог эпохи Великого Сейма де-факто порывал с большинством характерных для жанра черт, сложившихся еще в XVII в. Его ориентиром становился западноевропейский (в первую очередь французский) просвещенческий диалог со всеми его характерными приметами. Самым резким и заметным изменением в диалогах рубежа 1780-х – 1790-х гг. является минимизация сатирических и поэтических элементов. Выходившие из печати диалоги лишались телесного юмора и прямых обвинений в сторону оппонентов. Изменялся сам язык авторов нового поколения: выхолощенный, пестрящий иностранными терминами, он лишался большинства простонародных элементов. Практически все примеры работ этой эпохи являются прозаическими – среди диалогов 1760-х – 1770-х гг. не написанные в стихотворной форме составляют едва ли ¼ от всего дошедшего до нас материала. Кроме того, значительно увеличивался их объем³¹ – вместо афористических реплик в уста персонажам вкладывались монологи с пространными рассуждениями.

Какие художественные черты в диалоге рубежа 1780-х – 1790-х гг. свидетельствовали о его родстве с диалогом прошлых десятилетий? С точки зрения художественных элементов – сохранился ряд персонажей, локаций и сюжетов польской действительности. С точки зрения основных функций жанра, диалог все так же предлагал своему читателю поведенческую модель, связанную с речевыми клише

30 Наиболее репрезентативным примером столь сильной жанровой разбивки может послужить публицистическое наследие Францишка Салези Езерского. См.: *Jezierski F. S. Niektore wyrazy porządkiem abecadła zebrane u stosowaniem do rzeczy uwagami objaśnione.* Warszawa, 1791.

31 Это еще одно следствие возможности тиражной печати диалогов – отдельные из них разрастались до объема полноценных драм для чтения.

и позитивными образами отдельных персонажей. Жанр все так же остался дидактическим и агитационным по своему характеру, все так же прямо демонстрировал нравоучительную истину. Однако как сами эти образы, так и проговариваемые героями реплики изменились вместе с новым общественным стандартом.

Можно констатировать, что стилистические и мировоззренческие основы диалога изменились вместе с эпохой. Метаморфоза этого жанра прямо связана с включением польской культуры в орбиту Просвещения, что привело к изменениям представлений о человеке, морали и нормах поведенческого идеала. Фактически в эпоху Великого Сейма польская традиция диалогов наиболее близко соприкасается с традицией использования этого формата в тексте в научных целях, с целью риторического осмысления необходимых вопросов и наглядной демонстрации правильных ответов на них. Диалог в 1788–1792 гг. – это один из возможных публицистических форматов, очевидные достоинства которого базировались на возможности почти дословного переноса прямой речи посла на Сейме в малейшей художественной обработке. Как и в «научных» диалогах, один из персонажей такого диалога всегда либо является очевидным носителем авторской идеи, либо приходит к ней в процессе дискуссии. Его собеседник, таким образом, представлен либо как заблуждающийся в своем мнении человек, либо как вопрошающий правильного ответа.

Именно по этим причинам крестьянин из третьестепенного персонажа диалогов в эпоху Великого Сейма превращается в основного и самого популярного, заметно превосходящего остальных по частоте появления. Священник, ранее бывший одним из самых распространенных типажей, полностью исчезает со страниц диалогов вместе со всеми героями, представляющими ту или иную конфессию; фактически из прежних героев на своих местах остаются только горожане и шляхта (меняющая, тем не менее, свои качества-атрибуты – теперь перед читателями предстал не доблестный воин, но образованный и добродетельный землевладелец).

Основной особенностью крестьянина в изменившемся жанре всегда становилась его необразованность; полное или частичное³² незнание новых норм и стандартов. Это никогда не означало недалекость крестьянина – напротив, кочующим мотивом диалогов является любознательность этого персонажа, неизменно подчеркивается его

32 Rozmowa Bartka z Frankiem // Materiały do dziejów Sejmu czteroletniego. Wrocław, 1955. Т. 1. S. 592–598.

радость от принятия истины. Неведение крестьянина подчеркивается локациями окружающей его деревни. Если ранее любая серьезная реплика крестьянина имела комический эффект, поскольку произносилась им в окружении мазанок и домашнего скота, то в диалогах 1788–1792 гг. он попросту не может найти достоверный источник информации, находясь вдали от города. Как правило, это раскрывается на уровне сюжета: к примеру, в диалоге Яцека Езерского «Все ошибаются» крестьянин, начав расспрашивать своего помещика о правах человека и реформах в деревне, в конечном счете признается, что его некомпетентность являлась следствием разговоров с органистом местного костела, который, будучи пьяным, пересказывал жителям деревни французские республиканские идеи³³.

Помимо сугубо литературоведческой ценности, эти наблюдения представляются чрезвычайно важными в контексте всех перемен в общественном сознании, наблюдавшихся в польском обществе к концу истории независимой Речи Посполитой. Крестьянин не просто становился главным героем отдельного публицистического жанра; в лице этого обобщенного персонажа простой человек впервые столь плотно сталкивался с миром, который до того времени по всем жанровым и смысловым законам был от него далек³⁴. Во всей польской литературе XVI–XVIII вв. крестьяне могли быть первостепенными персонажами лишь весьма специфических жанров (пасторальная поэзия, новины совизжалов³⁵ и т. д.), либо же героями исключительно второго плана. В уста выступавших на передний план «Бартека» и «Мачека» не просто закладывались реплики, отражающие современный им политический процесс, – они прямо обсуждали его со своими помещиками, по диапазону тем переходя от дискуссий об экономическом положении польской деревни³⁶ до критики «Декларации прав человека и гражданина»³⁷.

33 *Wszyscy błędą. Rozmowa pana z rolnikiem, obaj z błędu wychodzą* // *Ibid.* S. 254–255.

34 По вопросам представления о жанрах в европейской литературной культуре в XVII–XVIII вв. см.: *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.; СПб., 2021. С. 285–314.

35 *Мочалова В. В.* Гротескно-фантастический жанр новин польских совизжалов (истоки, традиции, значение) // *Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи.* М., 1979. С. 232–234.

36 *Materiały do dziejów Sejmu czteroletniego.* Т. 1. S. 256–258.

37 *Rozmowa między chłosem a jego dawnym panem* // *Ibid.* S. 421–427.

Таким образом, наиболее частой функцией крестьянина как литературного персонажа польских диалогов в XVII–XVIII вв. являлась функция простоты, непосредственности восприятия и незнания. В эпоху начала правления Станислава II Августа и в период активных действий Барской конфедерации фигура крестьянина не пользовалась популярностью; в сатирических и агитационных целях она была невыгодной и затмевалась другими, более соответствовавшими духу времени героями. Однако уже во время заседаний Великого Сейма персонаж крестьянина становится центральным типажом диалогов 1788–1792-х гг. Формат диалога в эти годы претерпевает изменения, на первый план выходит публицистический аспект – и функция крестьянина как, с одной стороны, источника вопросов, а с другой стороны, социального персонажа становится чрезвычайно востребованной.

Показанное изменение образа персонажа крестьянина в польских диалогах Барской конфедерации и Великого Сейма – как и метаморфозы диалогового жанра вообще – не могут не являться признаками глубоких изменений, произошедших в польском обществе за примерно двадцатилетний временной промежуток. В рамках представленной статьи автор ограничится лишь выдвиганием гипотетических предположений³⁸, которые могли бы пролить свет на столь резкие перемены.

Сам факт изменения статуса персонажа крестьянина может быть соотнесен с одним из самых известных тезисов со стороны знаменитых публицистов из числа послов Великого Сейма – требованием правового и статусного равенства сословий³⁹. Там, где Станислав Сташиц аргументирует важность создания из всех жителей Речи Посполитой единой польской нации⁴⁰, Юзеф Павликовский

38 Рабочая гипотеза автора является потенциальной основой его будущей кандидатской диссертации.

39 Трактовки самого понятия «польская нация» (*naród polski*) являлись одним из самых актуальных политических вопросов на повестке Великого Сейма. Предлагаемые послами и публицистами критерии пытались учитывать и сглаживать многочисленные противоречия внутри религиозно, социально-культурно и экономически дифференцированного общества Речи Посполитой. См.: *Althoen D. M. That Noble Quest: From true Nobility to Enlightened Society in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1550–1830*. Ph. D. Diss. University of Michigan, 2000. P. 366–388, 431–460.

40 *Staszic S. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana w. k. do dzisiejszego stanu Rzeczypospolitey Polskiej przystosowane*. Warszawa, 1787. S. 22–23.

доказывает необходимость комплексного закона для всех сословий страны на основе общих критериев⁴¹, а Францишек Салези Езерский и вовсе утверждает важность признания равных прав простого народа с горожанами и дворянами⁴², крестьяне в многочисленных диалогах делают схожий шаг исключительно в художественной плоскости: на равной почве разговаривают с горожанами и своими помещиками, ломая все сословные и жанровые перегородки.

Все это, в свою очередь, связывается автором с куда более обширным явлением – переменной в восприятии сословной структуры общества и зарождением современного⁴³ национального самосознания.

Источники и литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 480 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.

Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. М.: РИПОЛ классик, 2018. 918 с.

История культур славянских народов / отв. ред. Г. П. Мельников. М.: ГАСК, 2005. Т. 2. 586 с.

История польской литературы / ред. В. В. Витт, И. С. Миллер, Б. Ф. Стахеев, В. А. Хорев. М.: Наука, 1968. Т. 1. 616 с.

Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.

Липатов А. В. Возникновение польского просветительского романа. М.: Наука, 1974. 301 с.

41 *Pawlikowski J.* Myśli polityczne dla Polski. Warszawa, 1789. S. 167–170.

42 *Jezierski F. S.* Niektóre wyrazy... S. 135–139.

43 В данном контексте употребляется для создания дистанции с этносимволистскими теориями происхождения нации; речь идет о современной нации, являвшейся объектом исследования Б. Андерсона и др. См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

Лунатов А. В. Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье. Возрождение. Барокко. М.: Наука, 1977. 300 с.

Мочалова В. В. Гротескно-фантастический жанр новин польских совицжалов (истоки, традиции, значение) // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 231–263.

Тананаева Л. И. Сарматский портрет: из истории польского портрета эпохи барокко. М.: Наука, 1979. 304 с.

Althoen D. M. That Noble Quest: From true Nobility to Enlightened Society in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1550–1830. Ph. D. Diss. University of Michigan, 2000. 630 p.

Fichte J. G. Sonnerklare Bericht an das grössere Publikum über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1801. 258 S.

Hernas C. Barok. Historia literatury polskiej pod redakcją Kazimierza Wyki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980. 668 s.

Konopczyński W. Konfederacja Barska. T. 1. Warszawa: Zysk i S-ka, 2017. 650 s.

Korczewski W. Rozmowy polskie łacińskim językiem przeplatane, rytmy ośmiorzeczniemi słożone: pierwsza o niektórych pospolitych ceremoniach kościelnych [...], wtóra rozmowa o kłątwie i o dziesięcinie. Kraków, 1553. 95 s.

Literatura Konfederacji Barskiej. T. 2. Dialogi / pod redakcją Janusza Maciejewskiego. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2005. 280 s.

Materiały do dziejów Sejmu czteroletniego. T. 1. Wrocław: Zakł. im. Ossolińskich, 1955. 675 s.

Nycz R. Literatura polska w cieniu cenzury // Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja. Warszawa, 1998. № 3 (51). S. 5–27.

Pawlikowski J. Myśli polityczne dla Polski. Warszawa, 1789. 251 s.

Staszic S. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana w. k. do dzisiejszego stanu Rzeczypospolitey Polskiej przystosowane. Warszawa: Michał Gröll, 1787. 374 s.

Tazbir J. Kultura szlachecka w Polsce: Rozkwit, upadek, relikty. Warszawa: Omega, 1986. 248 s.

Tazbir J. Tradycje tolerancji religijnej w Polsce. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980. 168 s.

Tazbir J. Szlachta i teologowie: Studia z dziejów polskiej kontrreformacji. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1987. 320 s.

Zbylitowski P. Rozmowa szlachcica polskiego z cudzoziemcem // Niektóre poezye Andrzeja i Piotra Zbylitowskich. Kraków: Biblioteka Polska, 1860. S. 121–167.

References

- Althoen, D. M. *That Noble Quest: From true Nobility to Enlightened Society in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1550–1830*. PhD Diss. University of Michigan, 2000, 630 p.
- Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 416 p.
- Auerbakh, E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021, 480 p.
- Bakhtin, M. M. "Problema rechevykh zhanrov." *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Iskusstvo, 1986, pp. 250–296.
- Galilei, G. *Dialog o dvukh glavneishikh sistemakh mira*. Moscow: RIPOL klassik, 2018, 918 p.
- Hernas, C. Barok. *Historia literatury polskiej pod redakcją Kazimierza Wyki*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980, 668 p.
- Istoriia kul'tur slavianskikh narodov*. Vol. 2, ed. by G. P. Mel'nikov. Moscow: GASK, 2005, 586 p.
- Istoriia pol'skoi literatury*, ed. by V. V. Vitt, I. S. Miller, B. F. Stakheev, V. A. Khorev. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1968, 616 p.
- Konopczynski, W. *Konfederacja Barska*. Vol. 1. Warszawa: Zysk i S-ka, 2017, 650 p.
- Leskinen, M. V. *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noi ideologii Rechi Pospolitoi*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 178 p.
- Lipatov, A. V. *Formirovanie pol'skogo romana i evropeiskaia literatura: Srednevekov'e. Vozrozhdenie. Barokko*. Moscow: Nauka, 1977, 300 p.
- Lipatov, A. V. *Vozniknovenie pol'skogo prosvetitel'skogo romana*. Moscow: Nauka, 1974, 301 p.
- Literatura Konfederacji Barskiej. Vol. 2. Dialogi*, ed. by J. Maciejewski. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2005, 280 p.
- Materiały do dziejów Sejmu czteroletniego*. Vol. 1. Wrocław: Zakł. im. Ossolińskich, 1955, 675 p.
- Mochalova, V. V. "Groteskno-fantasticheskii zhanr novin pol'skikh sovizzhalov (istoki, traditsii, znachenie)." *Slavianskoe barokko. Istoriko-kul'turnye problemy epokhi*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 231–263.
- Nycz, R. "Literatura polska w cieniu cenzury." *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*, 1998, No 3 (51), pp. 5–27.
- Tananaeva, L. I. *Sarmatskii portret: iz istorii pol'skogo portreta epokhi barokko*. Moscow: Nauka, 1979, 304 p.
- Tazbir, J. *Kultura szlachecka w Polsce: Rozkwit, upadek, relikty*. Warszawa: Omega, 1986, 248 p.

Tazbir, J. *Tradycje tolerancji religijnej w Polsce*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980, 168 p.

Tazbir, J. *Szlachta i teologowie: Studia z dziejów polskiej kontrreformacji*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1987, 320 p.

Zbylitowski, P. "Rozmowa szlachcica polskiego z cudzoziemcem." *Niektóre poezye Andrzeja i Piotra Zbylitowskich*. Kraków: Biblioteka Polska, 1860, pp. 121–167.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.18

I. V. Fadeev

Images of Peasantry in Polish Dialogues of the Bar Confederation and the Great Sejm Eras

Ivan V. Fadeev

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: ifadeyev@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-5611-1006

Citation

Fadeev I. V. Images of Peasantry in Polish Dialogues of the Bar Confederation and the Great Sejm Eras // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 334–351 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.18

Received: 06.04.2024.

Revised: 11.09.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the genre of dialogue in Polish literature of the last third of the 18th century. The author compares works created during the era of the Bar Confederation (1768–1772) and the Great Sejm (1788–1792), paying special attention to the analysis of the role and significance of peasant characters. The dialogues of the era of the Bar Confederation are more consistent with the traditions of this genre established in the 16th – 17th centuries. On their pages, peasants are rare and are significantly inferior in popularity to other characters: nobles, priests and foreigners. Their only plot function is satirical: the serious remarks they utter have an a priori comic overtone and devalue

the original message. In the dialogues of the Great Sejm era, peasants become the most popular characters, directly voicing current political and social problems of Polish society. If previously the interlocutors of the peasants could only be heroes close in social status, then in the works of 1788–1792 they had equal conversations with their landowners. The author records the change in previously existing traditions of the dialogue genre and examines it in the context of the problems of the Great Sejm. The author formulates a hypothesis about the correspondence of this process to the emergence of Polish national identity.

Keywords

Dialogue, propaganda, satire, peasantry, szlachta, nationalism, The Bar Confederation, The Great Sejm, Polish-Lithuanian Commonwealth.